

Елена Золотарёва

ОДЕССКИЙ КАРНАВАЛ И ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

Проблемы смеха порождают совсем не смешные проблемы

Изучая ранее дохристианские и христианские корни карнавальных традиций [6], мы задались целью не столько выяснить природу самого ежегодного одесского фестиваля «Юморина», сколько посмотреть на главную его составляющую – «юморинный» КАРНАВАЛ – сквозь призму традиционных духовных ценностей украинского народа, исходя из того, что значимость смеха и юмора христианскими конфессиями не определяется однозначно: веселье бывает то добродетелью, то преступлением в зависимости от контекста и внешнего проявления [7]. Для Одессы «Юморина» с её карнавалом может выглядеть *естественным продолжением* «смеховой» культурной традиции, не могущее вызывать, как кажется, негативных оценок или протеста. Но Православная церковь, опираясь на традиционные для украинского народа христианские ценности и святыни, выступает против юморинного карнавала, организуемого теперь ежегодно именно 1 апреля, и это обстоятельство дает повод обратиться к проблеме подлинных оснований одесского празднования Дня смеха. Следует понять, действительно ли наша Юморина естественно вписалась в украинскую культурную традицию, не стала ли чем-то чуждым ей?

Такая цель данной статьи предполагает необходимость выяснить три логически связанных вопроса:

- почему «Юморина» родилась 1 апреля в период так называемого советского «застоя» как стихийный карнавал, развилась и закрепились **именно в Одессе**;
- является ли она **следствием культурной традиции украинского народа** или явлением, совершенно чуждым украинским архетипам;
- почему каноническая Украинская православная церковь в последние годы активно **выступает против** проведения «юморинного» карнавала **именно 1 апреля**.

Рождение «Юморины» в **1973** году как стихийных

массовых гуляний в г. Одессе представляется нам закономерным. Пресловутые «догоним и перегоним капитализм», «нынешнее поколение будет жить при коммунизме», ненаступающее завтра, когда «каждому – по потребностям», несбывшиеся чаяния «шестидесятников» – всё это на фоне взорванной веры предков, прерванной вековой традиции православия, неосознаваемого тогда ещё в массе разочарования в «новой вере» – марксизме-ленинизме с его воинствующим атеизмом, запрещающим даже думать о Чуде, – требовало перемен в официальной идеологии. Близится к завершению «холодная война», и в 1975 г. будет подписан Заключительный акт СБСЕ в Хельсинки. Внутри же страны демократизм 60-х годов повёрнут вспять. Появляются и преследуются партийной властью диссиденты, скрываются факты народного протеста, наличие дефицита, отсутствие свободы передвижения, свободы совести и т. д. Прокламируемые основные цели жизнедеятельности страны уже достигнуты: массовая коллективизация и индустриализация, послевоенное восстановление народного хозяйства, поднятие целины давно завершены. Что дальше? Наступил в определённом смысле переломный момент истории.

Г. Прошин в своём исследовании о крещении князя Владимира отмечает, что «Русь от века ценила и понимала юмор. Насмешка над действительностью, шутейное отношение к ней особенно характерны для переломных моментов истории» [9, с. 123]. Середина 70-х годов прошлого века не стала исключением. Народ развлекают Аркадий Райкин, «Голубой огонёк», Кабачок «12 стульев», «Песня года». **Народ** всегда требует **больше** хлеба и **новых** зрелищ. А в моменты, грозящие кризисом, и **власть** заинтересована в том, чтоб дозированными новыми зрелищами отвлечь умы от критического анализа действительности. И начинаются новые «великие проекты». Объявляется призыв молодежи на строительство Байкало-Амурской магистрали. По стране расползаются вокально-инструментальные ансамбли. В Одессе, с её «одесским языком» и естественно развившимся статусом «весёлой столицы» страны [14, с. 187–191; 5, с. 186–191], возникает «Юморина».

Одесские газеты в конце марта 1973–1974 г.г. пестрели сообщениями о том, в котором часу «выстрелит пушка на

Приморском бульваре», когда пройдёт автопробег «Антилоп-Гну», гонка велосипедистов по Потёмкинской лестнице, погоня за гусём и др. Санкционированные партийными органами развлекательные мероприятия обернулись массовым юморинным движением, в котором затискиваемые в рамки официальных ценностей и идеалов одесситы в «одном, отдельно взятом городе» пытались реализовать стихию народного карнавала, добиваясь таким способом свободы жизни и духа. Официальными же структурами не предполагалось такого размаха массовых гуляний и стихийного карнавала. Поэтому партийная власть в конце 1970-х, будучи уже не в силах запретить праздник юмора как таковой, запрещает карнавалы, шествия, ограничив «юморинные мероприятия» спектаклями и концертами на подмостках театров. В конце «перестройки» 1-апрельский Одесский карнавал возрождается, постепенно трансформируясь в «тотальную юморизацию» и дальнейшую коммерциализацию, о чём уже немало сказано ранее [5, с.186; 10]. Слияние воли «сверху» и «снизу», когда «верхи» разрешают слегка повеселиться, а «низы» жаждут чуда, и привело в 70-х годах XX века к рождению «весёлого массового действия» – одесской Юморины как следствию противовеса «застойной» (официальной) и народной культуры – черты, отмеченной М.Бахтиным [3], – и сочетания сознательного и стихийного элементов в управлении обществом.

Почему это произошло именно в Одессе 1 апреля? **1 апреля** - всегда был «день смеха», «день дурака», и не одесситы придали ему этот статус. **Почему в Одессе** – ответ на этот вопрос в той или иной мере уже звучал в ходе всех научно-теоретических конференций «О природе смеха» [5; 6; 7; 14].

И если для специфической Одессы «Юморина» с её карнавалом стала как бы *естественным продолжением* «смеховой» культурной традиции, то вписалась ли она в *украинскую культурную традицию*, не являлась ли чем-то чуждым и инородным?

Даже при поверхностном ознакомлении с культурной традицией украинского народа становится очевидно, что веселье, шутки и праздники – неотъемлемые черты его быта. Древние славяне на территории нынешней Украины массово праздновали Коляду, Русалочью неделю (будущие Зелёные святки) и Купала

[1; 6]. Даже во время тризны пели, танцевали и боролись [1]. Всем известно свидетельство киевской летописи об остроумии и кокетстве княгини Ольги, с помощью которых она в 957 г. отказала в браке византийскому императору Константину Багрянородному, ставшему её крестным отцом. Шуточно выглядят аргументы князя Владимира при «выборе веры», когда он отказывает мусульманам и иудеям. По мнению Г. Прошина [9, с. 126–127], Владимир Великий усмехнулся и над самим собой в момент Корсунского крещения, произнеся с иронией: «Теперь я узнал истинного бога».

Ещё в XI веке наши предки-христиане справляли свадьбу (само название – «весілля») – говорит за себя) по старинной традиции массовыми гуляниями: с музыкой, песнями, танцами и хлопками. «Один чернець XI в. з жалем оповідає, що на весіллях чути бубни, сопілки та різні “бісові дива”... Весільні плескання – танки, при яких плескали руками...Прості люди не йдуть на благословення і вінчання,...беруть жінки свої з танками, музикантами і плесканням» [8, с. 31]. Понятно, что церковь не одобряла таких действий, но, видимо, в основном не из-за веселья, а из-за игнорирования таинства венчания.

В княжеские часы и князья, и народ любили смех и веселье. «Слово о богаче и Лазаре» так описывает банкет богача: «Пили до пізньої ночі, з гусями й дудками, була велика забава з приятелями і сміхунами, танки, співи, всяка огида» [8, с. 32]. Владимир при освящении новой церкви в Василькове «створив празник великий, наварив 300 мір меду... Празникував князь вісім днів» [8, с. 32].

Иван Крипьякевич считал, что, кроме танцев и песен, на этих приёмах гости развлекали себя рассказами, сказками, анекдотами, поговорками, насмехались над пьяными. Говоря о рассказах, автор пишет: «Деякі з них мають гумористичну зафарбу, як приміром, анекдот про піщанців (т. е. на реке Пищане – Е. З.), що втікали перед “вовчим хвостом” – воєводою Вуефастом» [8, с. 33]. Целый пласт смеховой культуры наших предков раскрывает исследование «Смех в Древней Руси» [12], в котором приводится много аналогичных примеров.

При дворе киевского князя Святослава (1073–1076) обычно проводились музыкальные вечера. Долго сохранялся давний славянский обычай, следы которого повсеместно можно

увидеть и сегодня, – *народные забавы*: борьба, другие состязания, пляски, игры, музицирование, «повечерницы». Народных артистов называли *игрецами*, или *скоморохами*. Об их популярности уже в христианизированной Украине свидетельствуют летописные записи, на которые ссылается И. Крипьякевич: «Як плясці або гудці, або хто інший закличе на ігрище або на яке зборище ідольське, то всі туди біжать, радуючись» [8, с. 34].

В старых украинских рукописях обнаружены неожиданные юмористические высказывания переписчиков-монахов по поводу своего тяжёлого, утомительного труда: «Радий заець, як утече з сильця, – так і писець, коли скінчив останній рядок»; «Радується купець, як вернеться додому, а корабель, як прийде до тихої пристані, а віл, як визволиться з ярма, – так і писець, як закінчить книгу»; «Як радується жених невісті, так радується писець, як побачить останній лист» [8, с. 46]. Есть и божественные воздыхания «переписчиков-юмористов»: «О святі безмежники, Козмо й Дем'яне, поспішіть, щоб я скінчив!»; «О Господи, поможи, о Господи, поспіши, дрімота непоборна, в цім рядку я помилився!» [8, с. 47].

Доказательства внутренней присущности чувства юмора украинцам находим во все времена. Иван Вышенский и неизвестный автор 16 века осмеивает новомодные обычаи и одежды, пришедшие с Запада. И. Крипьякевич ссылается на общеизвестную сатирическую речь Ивана Мелешко, направленную против украинских модников 16 века [8, с. 109]. Стремление молодёжи к веселью в 17 веке засвидетельствовал тот же автор, отметивший, как учитель с детьми готовил домашнее представление – «виправляв комедію», а молодёжь забавлялась товарищескими играми в: «панаса, журавля, хрещика, горюдуба, ворона, тісної баби, фанти, шахи і карти», – и каталась на санях [8, с. 116].

В украинских бурсах на майские каникулы все с учителем отправлялись в лес на целый день, где студенты играли в кошки-мышки, жмурки, высокую лозу и другие игры, названия которых ни о чём не скажут современнику – жгут, ракс. Играли также в мяч, ели сладости и ставили весёлые мини-спектакли. Наиболее смешным им казалось представление, в котором действующими лицами были части речи, вступившие в спор между собой, а Пасху

«бурсаки» и школьники встречали юмористическими интермедиями с переодеванием [8, с. 129].

Результаты интересного анализа украинской драмы, которая в 15 веке пришла из Западной Европы через Польшу именно в форме *школьной религиозной драмы*, где постепенно рядом с *мистериями, мираклями и моралите* развивается *интермедия*, или *интерлюдия*, приводит Владимир Радзикович. Содержанием интермедий были смешные истории, рассказы, юмористические приключения, сцены обмана с перекручиванием латинских слов, Рождественские комедии. Радзикович приводит в пример драму об Иосифе Прекрасного, комедию Дмитрия Тупталова, а также исторические традикомедии Феофана Прокоповича и интермедии Якова Гаватовича. Вертепную драму, в интермедийной части которой было много смешных сцен, с 17 века популяризировали в Украине странствующие дьяки [8, с. 265–271].

И. Крипьякевич исследовал развлечения городского населения Галичины в составе Австро-Венгрии. Так, в июне 1814 г. во Львове праздновали победу Австрии над Наполеоном. Помимо традиционных богослужений и военных парадов, были также массовые гуляния, процессии, в оформлении которых причудливо сочетались элементы христианства, античности и модерна. В те же времена распространились так называемые *фестивали* – массовые народные забавы на немецкий лад, устраиваемые разными предпринимателями, с танцами, музыкой, гонками, акробатами, каруселями, фейерверками, фантовой лотереей и высоким столбом, вымазанным маслом, наверху с колбасой, которая доставалась первому, кто сумел до неё добраться. Во время национальных манифестаций 1848 г. также активно использовались танцы, аллегорические образы в спектаклях и святочные процессии наподобие карнавала. Так, 15 мая 1849 г. во Львове во главе такой процессии ехал воз, запряжённый 6 парами волов с позолоченными рогами, в жёлто-синем ярме, а на возу среди национальных флагов и цветов стояли огромный каравай и мёд как дары народа для цесаря [8, с. 168, 183].

Короткий и меткий саркастический ответ запорожских казаков турецкому султану Мухамеду IV [1, с. 259–260] стал уже энциклопедическим примером украинского юмора. Запорожские

казаки не раз демонстрировали наличие чувства юмора. Так, Н. Аркас ссылается на устное предание, дошедшее до нас: накануне разгрома Запорожской Сечи 1775 г. на одном из обедов, который Екатерина II давала запорожским послам, им подали слишком большие ложки, которые невозможно было поднести к своему рту. Тогда сечевики стали кормить друг друга, сами над этим потешаясь. Один из важных царедворцев, проходя между столами, спросил другого по-французски (полагая, что запорожцы не поймут), где, мол, этот дурной народ рождается. Второй вельможа ответил, что в «их дурацкой хохландии». Услышав это, запорожцы стали громко говорить друг другу: «Ой, брате мій, та й панів же тут яка сила! Та все які великі та розумні! І де вони тільки родяться?» – «Звісно, де: у Петербурзі та Москві.» – «А де вмирають?» – «Вмирають у Сибіру та Камчатці!» [1, с. 353–354]. Так запорожцы намекнули на то, что великое панство екатерининской эпохи не имело ни свободы, ни стабильности.

Известно, что в Украине, «по московскому обычаю», издавна стали отмечать «День дурака», подшучивая над знакомыми и развлекаясь смешными записками. «На перше квітня, за новим звичаєм, піддурювали знайомих видуманими листами. Під час ярмарків оглядали народні ігрища...», – пишет Иван Крипьякевич о быте украинцев в 18 веке [8, с. 117].

В этот сложный период тотальной нивелировки украинизма в царской России после разгона Сечи и полного закрепощения крестьян зазвенел смех Ивана Котляревского в его трагестийной «Енеїди», основанной на народном колорите. Юмористический подход автор избрал не случайно, так как украинский язык тогда считался языком необразованного селянина, а юмор «Енеїди» заставил украинское панство веселиться, развлекаться и одновременно привыкать к языку и мысли о том, что и «українська мова може бути мовою письменства» [8, с. 286]. Кроме того, в форме трагестии легче было автору покритиковать панов шуточно, весёлыми намёками, уместной сатирой, в которой замечательным образом переплелись исторический и этнографический материал, и критика крепостничества, и народная речь [11].

Украинский народ читал творение Котляревского с восхищением. И вслед за ним рассыпали юмор, блестели остриём

сатиры П. Гулак-Артемовский, Е. Гребинка, Л. Глебов, С. Руданский, М. Бараболя, И. Малкович, О. Вишня и наш земляк С. Олійнык. Ирония заметна в творчестве Н. Гоголя, Т. Шевченко.

Как в Украине, так и в украинской диаспоре за рубежом в 1 половине XX века издавались сборники пародий, сатиры, шаржей, юморесок: в 1927 г. в Киеве – сборник «Літературні пародії» и в 1947 г. в Мюнхене – книга Теодора Курпиты «Карикатури з літератури» [19]. Ежегодно на Одещине проводится фестиваль юмора памяти Степана Олійныка [4, с. 6].

Традициям иронии в украинской культуре посвящены исследования М. В. Кашубы и Ю. И. Грибковой, в частности в рамках изучения природы смеха [14, с. 168–174; 5, с. 85–95].

Итак, есть основания считать юмор одним из древних элементов украинских архетипов. Вне всякого сомнения, фестивали юмора, карнавалы и веселье в принципе не противоречат нашему менталитету и вплетаются в духовно-культурную традицию украинского народа.

Из **триптиха проблем**, обозначенных нами во вводной части статьи, осталась не разрешённой одна: почему же каноническая Украинская православная церковь в последние годы всё настойчивее требует не проводить одесский «юморинный» карнавал **именно 1 апреля**?

В 2003 г. от имени православной общественности города Одессы распространялся плакат «По поводу безумного веселья, происходящего 1 апреля» с эпитафией: «Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете» [Ев. от Луки, 6 : 25].

Думается, можно обоснованно утверждать, что традиционными религиозными конфессиями украинского народа являются Православная и Греко-католическая, сохранившая православную обрядность. Христианская религия понимает человека как высокодуховное творение и осуждает чрезмерное веселье, особенно во время постов, неуместную насмешку и кощунственное осмеяние (К слову, это не исключило в истории христианства фактов откровенного осмеяния религиозных святых теми, кому по статусу следовало их защищать: императором Михаилом, при котором был крещён князь Аскольд, Петром I [9], но эта тема достойна отдельного изучения.). Но, как

видим из изложенного и предыдущих исследований [6, с. 10–13; 7, с. 27–33], в принципе христианство не рассматривает смех и веселье как греховное нарушение заповедей и религиозной морали. Вместе с тем уныние, печаль, пессимизм считаются грехом. Целесообразной представляется точка зрения и о смехе самого Христа [2].

Многие современные массовые гуляния в разных христианских культурах неразрывно связаны с христианскими праздниками, впитавшими и переоценившими более древние языческие основы. Венецианский, Бразильский карнавалы приходятся на католическую Масленицу, испанские фиесты в основном посвящены религиозным праздникам. Конечно, откровенное веселье нынешних массовых гуляний часто противоречит христианским канонам, секуляризованное общество утрачивает сакральные смыслы древних праздничных мистерий, но миллионы итальянцев, бразильцев и испанцев, ежегодно, с детства, участвующих в карнавалах, не перестают быть глубоко верующими людьми. Само время проведения гуляний не оскорбляет чувства верующих, участвующих в этих карнавалах, которые не могли бы и мысли допустить о возможности проведения подобного карнавала, например, в дни Великого поста или на Страстной неделе.

Согласно Пасхалиям, Великий пост начинается всегда в конце февраля-начале марта (по григорианскому календарю, введённому с 1918 г.), Пасха отмечается в апреле-начале мая. Как известно, дата Пасхи устанавливается по движению Луны, т. е. по лунному календарю праздник бывает в одно, определённое время. Древнее правило так называемой александрийской православной пасхалии определяет праздновать Пасху в первое воскресенье по первом весеннем полнолунии, после дня весеннего равноденствия – 21 марта юлианского календаря (т. н. старый стиль), но не ранее Еврейской пасхи и не вместе с ней. Таким образом, по солнечному календарю Пасха получает разные даты в течение **всего 35 дней** – с 22 марта по 25 апреля по старому стилю (**4 апреля – 8 мая** по григорианскому календарю) [17].

Одесский карнавал уже **30 лет** проводится 1 апреля, т. е., он **ВСЕГДА** приходится на период Великого поста, а в **2007** году совпадёт с началом **Страстной седмицы**, хотя это бывает

очень редко. Анализ Пасхалий за 1915–1940 г. г. показал, что в 1915 г. 1 апреля (19 марта по ст. ст.) пришлось на Страстной четверг, а в 1919, 1922, 1933 и 1939 г. г. непосредственно предшествовало Страстной неделе [13; 16]. И если в советский период атеистического погрома эти совпадения дат не имели для общества существенного значения, то после восстановления в 1991 г. Украиной независимости, когда была создана возможность подлинной свободы совести в стране, ситуация, на наш взгляд, кардинально изменилась.

Украинское общество возвращается к православным духовным ценностям, возрождая и осмысляя традиции. Церковь, конституционно отделенная от государства, не отделена от общества и не может стоять в стороне от этого возрождения. Государство, территориальная громада также обязаны заботиться об углублении духовности и закреплении высоких норм общественной морали.

20 ноября 2003 г. Верховная Рада Украины приняла Закон «Про захист суспільної моралі» [15], запретивший порнографию и вводящий экспертизу и лицензирование деятельности, связанной с распространением продукции эротического характера и с элементами жестокости и насилия, другие ограничения. **Общественная мораль понимается как «система этичних норм, правил поведінки, що склалися у суспільстві на основі традиційних духовних і культурних цінностей, уявлень про добро, честь, гідність, громадський обов'язок, совість, справедливість».** То есть, отныне в Украине **законодательно** закреплено, что нормы общественной морали основаны на *традиционных духовно-культурных ценностях украинского народа*, важнейшими из которых следует считать **православные духовные ценности титульной нации**. И властные структуры, и представители национальных меньшинств, и верующие других конфессий не могут этого игнорировать.

Возникает сложная практическая проблема: следует ли Одесской облгосадминистрации, органам местного самоуправления прислушаться к протестам православной общественности? Не отменишь же вообще любимое одесситами и гостями города карнавальное мероприятие! На первый взгляд, это противоречит нормам демократии в глобализирующемся мире.

Не случайно Президент Франции инициировал законопроект, предлагающий запретить ношение в официальных учреждениях, вузах и школах *явных* знаков религиозной принадлежности: больших крестов, мусульманского платка, кипы, других подобных религиозных атрибутов.

Общее и особенное в человеческом обществе вступает в некий, пока не определённый, конфликт. Глобализация выдвигает на первый план в человеке именно **общие** признаки: Человек, Личность, Гражданин государства – представитель политической нации, европеец, – а этнические и религиозные **особенности**, сохраняясь, должны «приспособиться» к глобализации цивилизационных процессов, и чем скорее это произойдёт, тем, наверное, спокойней и стабильней станет этот мир.

Но мы считаем, что процессы глобализации касаются лишь *внешней* стороны деятельности церкви, оставляя нетленными традиционные духовные ценности. Истина не может затеряться под грузом глобализации. Вызовом времени является требование понимать духовные ценности православия в контексте терпимости, толерантности в отношении к другим религиям, умения вести любой диалог, как на территории города, Украины, так и во всём мире. Но терпимым должно быть и отношение других субъектов к церкви, а забота о традиционных духовных ценностях, продолжение и углубление традиции является *обязанностью органов государства и местного самоуправления*, тем более с оглядкой на 74-летнюю *виновность государства* перед народом и церковью. В этом смысле ***одного совпадения одесского первоапрельского карнавала с днями Великого поста или Страстной седмицы было бы достаточно***, чтобы, несмотря на практические сложности, рекомендовать Одесскому горсовету 1 апреля оставить «Юморину» лишь на подмостках театров, в закрытых помещениях, перенеся карнавальное действие на Масленичную неделю перед Великим постом.

Но, с точки зрения Православия, **не только Великий пост** помеха «юморинному» первоапрельскому карнавалу! По церковному летосчислению, если ретроспективно выстроить хронологию, **Воскресение Христово произошло 1 апреля**. Об этом написано и в Следованной Псалтири – одной из древних церковных книг. В редакторской статье Одесской православной

газеты в 2002 г. отмечалось: «Христоненавистники, чтобы поглумиться над самым святым для христиан – Воскресением Христовым, – внесли в обычай отмечать 1 апреля как «день смеха», «день обмана» или «день дураков», что в наши дни ещё именуется «юморинами». И вот, о, несчастье, о, безумие! – христиане смеются в этот день, не понимая, что смеются над самым святым в вере и уповании нашем, ибо, как говорит святой апостол Павел, «если Христос не воскрес, то вера наша тщетна» [1 Кор.15: 17]. В этот день на «юморине», которая всегда проводится во дни покаянного Великого Поста, ликует диавол, ибо христиане веселятся вместе с глумящимися над ними врагами Христа Бога. Нельзя православному человеку участвовать в этих «делах тьмы» [18, с. 3].

Исходя из всего вышесказанного, вполне логичным представляется *Одесскому горсовету прислушаться к мнению церкви в данном вопросе*, и если в целом о «Юморине» говорить не приходится, то хотя бы в отношении *переноса даты* Одесского карнавала.

Основным выводом проведенного в статье анализа является осознание *необходимости практического решения* проблемы «юморинного» карнавала. Первоапрельский карнавал «наподобие Венецианского» есть порождение атеизма в советском «застое». В других странах большинство карнавалов носит религиозную окраску, часто – Масленичные, по крайней мере, они невозможны в период покаянных дней, предписанных религиозными традициями титульной нации этих государств.

Должно ли общество и государство прислушаться к советам традиционной для народа церкви? Как видим, проблемы смеха порождают совсем не смешные проблемы. Государство должно заботиться о развитии традиционных духовных ценностей. Органы местного самоуправления вообще не являются государственными, и в этом смысле *церковь не отделена от местного самоуправления, от территориальной громады!* Значит, органы местного самоуправления просто обязаны реагировать на воззвания православной общественности города. Фактически полностью отменить «Юморину» невозможно, да этого почти никто и не требует. Но «размах мероприятия» *именно 1 апреля* стоит уменьшить, а карнавал проводить на Масленичной неделе,

или в июне, после начала школьных каникул, или в День города 2 сентября.

1. Аркас М. Історія України-Русі. – Одеса: Маяк, 1994.
2. Баканурский А. Г. Смеялся ли Христос? // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вип. 1. – Одеса: ООО Студія «Негоціант», 2002.
3. Бахтин М. М., Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
4. Вечерняя Одесса, 12. 04. 2003.
5. Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вип. 3. – Одеса: ООО Студія «Негоціант», 2003.
6. Золотарёва Е. А. Языческая смеховая культура и христианство как истоки современного массового празднества // О природе смеха: Материалы круглого стола. – Одесса: ООО Студія «Негоціант», 2000. – С. 10–13.
7. Золотарёва Е. А. Смех как добродетель и как преступление // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. – Вип. 1. – Одеса: ООО Студія «Негоціант», 2002. – С. 27–33.
8. Історія української культури / За загальною ред. Івана Крип'якевича. – К.: Либідь, 1994.
9. Как была крещена Русь. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1989.
10. Королькова О. В. Читая Бахтина, или почему «Юморина» не станет карнавалом // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 3. – Одеса: ООО Студія «Негоціант», 2003. – С. 192–200.
11. Котляревський І. П. Енеїда. – К., 1990.
12. Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984.
13. Молитвословь с акафістами. Изд.3. – Петроградъ, 1915.
14. О природе смеха. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – Одесса, 2002.
15. «Офіційний вісник України». – 2003. – № 52. – СТ. 2736.
16. Православный календарь. – Одесса, 1998.
17. Православный календарь. – Почаев, 2003.
18. «Справедливость», православная общественная газета. 2002 г. – № 2–3 (41).
19. Українське слово. Хрестоматія української літератури та літературної критики ХХ ст. – Кн. 4. – К.: Рось, 1995.